

ОТ АВТОРА

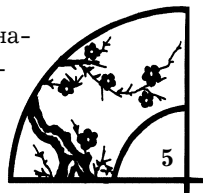
Ключ к познанию зарубежной действительности

Мой жизненный и творческий путь — это более шестидесяти лет в журналистике, сорок из которых (1951–1991 гг.) я проработал в «Правде». Молодежи порой кажется, что мне не повезло. Мол, лучшие годы жизни пришлось плясать под дудку агитпропа... Между тем дело обстоит не так. Мы, полтора десятка ведущих советских журналистов-международников, были в те годы столь же востребованы и популярны, как нынче звезды шоу-бизнеса. Слова Евгения Евтушенко: «Поэт в России — больше, чем поэт», мы экстраполировали применительно к нашей профессии. Мы считали священным долгом вооружать соотечественников правильной методикой познания зарубежной действительности, умением смотреть на мир без предвзятости.

Мы видели свою задачу в том, чтобы тянуть вверх планку духовных запросов людей, стремиться к тому, чтобы благодаря нашим публикациям они становились зорче и мудрее, просвещеннее и добрее. А тем коконом, который защищал нас от цензуры и обеспечивал нашу творческую независимость в советские времена, была наша профессиональная компетентность.

В 50-х годах я семь лет был собственным корреспондентом «Правды» в Китае, в 60-х — семь лет в Японии, в 70-х — пять лет в Англии. А потом к газетным публикациям добавилось телевидение. Тринадцать лет я вел популярную воскресную телепрограмму «Международная панорама».

Мы, ведущие журналисты-международники советских лет, старались убедить соотечественников, что нельзя мерить иностранцев на свой аршин, что у каждого народа свои стереотипы пове-

дения, системы ценностей, как бы своя грамматика жизни, которая и служит ключом к познанию зарубежной действительности.

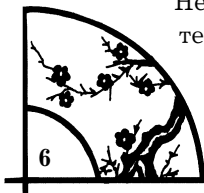
Именно грамматику жизни можно назвать стержнем того, что мы именуем национальным менталитетом. И если моим коллегам — зарубежным журналистам в Китае и Японии больше всего мешал языковой барьер, то мне там больше всего помогал языковой мост.

Став после работы в Пекине и Токио редактором «Правды» по отделу развивающихся стран, я много ездил по Азии и Африке. Однажды, будучи в Иране, я попал в «город роз и соловьев» — Шираз. Там у могилы древнеперсидского классика Хафиза всегда сидит старец с томом его стихов. Тот, кто наугад раскроет эту книгу, получает как бы от Хафиза напутствие в жизни. Я сделал это с бьющимся сердцем, и вот что прочел мне седобородый прорицатель: «Воспевать красоту звездного неба вправе лишь поэт, постигший законы астрономии».

Признаюсь, что до меня не сразу дошел глубокий смысл напутствия. Выходит, что читатель должен не только увидеть то, что в свое время видел журналист, почувствовать то, что он тогда чувствовал. Ему должна раскрыться подспудная суть событий.

Постичь грамматику жизни зарубежного народа, чтобы создать путеводитель по его душе, — этот творческий замысел, навеянный напутствием Хафиза, мне потом довелось воплотить в книге «Ветка сакуры». Опубликованная в 1970 году в журнале «Новый мир», она имела неожиданный резонанс. По словам Константина Симонова, «Ветка сакуры» стала для советского общества таким же глотком свежего воздуха, как песни Окуджавы.

Неудивительно, что такой успех вызвал интерес и к другим моим работам. В советские годы мои книги разошлись общим тиражом более семи миллионов экземпляров. Первая из них — «Путешествие в Тибет» вышла в свет в 1956 году, когда

я первым из моих соотечественников побывал в загадочной Шамбале. А двадцать первая книга — «Размышления странника» была опубликована в 2011 году, то есть 55 лет спустя.

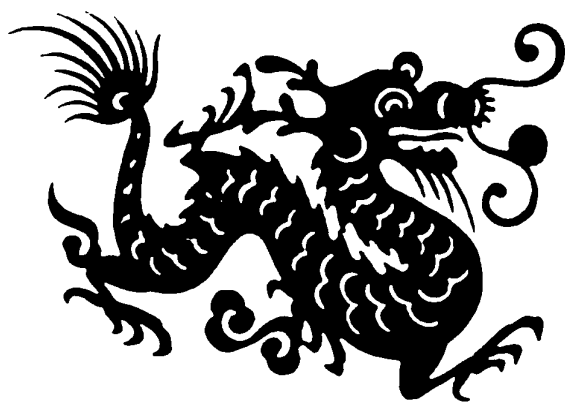
Такое творческое долголетие было бы невозможно, если бы правдиста с сорокалетним стажем, который после краха советской власти оказался на обочине истории, не приняла в свои ряды «Российская газета». Она начала публиковать мои репортажи из Китая в 1994 году. И до сих пор предоставляет мне постоянную рубрику «Час с Овчинниковым» в своем многотиражном приложении «Российская неделя». Полагаю, что мое творческое кредо как в советские, так и в постсоветские годы остается неизменным. В том смысле, что я стремлюсь описывать жизнь зарубежных стран не только с точки зрения экономических, политических и социальных проблем, но и видеть за всем этим душу народа, его грамматику жизни.

И в этой, двадцать второй моей книге я хочу рассказать читателям о том, как наши дальневосточные соседи — Китай и Япония — сумели осуществить «модернизацию без вестернизации». То есть совершить рывок на лидирующие позиции в мире, сохранив свою национальную самобытность.

Часть первая

ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
И ГОДЫ

ПЕКИН ПЯТИДЕСЯТЫХ

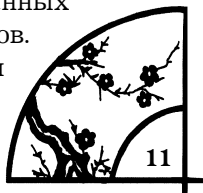
В марте 1953 года я сошел с поезда Москва — Пекин, чтобы на семь предстоящих лет стать собственным корреспондентом «Правды» в КНР. В свои 27 лет я был тогда самым молодым советским журналистом, командированным на постоянную работу за рубеж.

Старое здание Пекинского вокзала находилось напротив южных городских ворот, за которыми расположены площадь Тяньаньмэнь и Императорский дворец. Не меньше, чем древние постройки, меня удивили потоки велосипедистов и рикш при полном отсутствии других видов транспорта.

Наши соотечественники ездили тогда на советских «победах» с китайскими водителями. Самим садиться за руль запрещалось. После победы революции в КНР был принят закон, по которому иностранец, сбивший китайца, должен был пожизненно выплачивать пособие не только ему, но и его детям до совершеннолетия.

Единственным видом общественного транспорта в Пекине были трехколесные велорикши. Но пользоваться ими нам тоже запрещалось по морально-этическим соображениям. Это особенно огорчало наших жен. Отправляясь за покупками, им приходилось шагать пешком многие километры.

Столичная жизнь в Пекине носила тогда как бы камерный, почти семейный характер. В 50-х годах в КНР были аккредитованы 12 иностранных послов и 15 зарубежных журналистов. Поэтому нас наряду с дипломатами приглашали на все государственные банкеты. Мы сидели буквально в нескольких метрах от главно-

го стола, где Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай чокались с Неру или Сукарно, с Ким Ир Сенем или Хо Ши Мином.

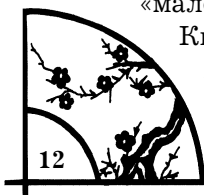
Во время моей работы в Пекине впервые с тридцатых годов собрался съезд компартии Китая. Прилетела советская делегация. И мне надо было ежедневно давать подробные отчеты о всех заседаниях.

В завершающий день работы съезда в комнату иностранных журналистов неожиданно вошел Мао Цзэдун и спросил: «Кто тут из «Правды»?» Дрожащим голосом я назвал себя и удостоился личного рукопожатия «великого кормчего»: «Потрудился так потрудился! Освещал съезд хорошо!»

После этих слов председателя Мао моя жизнь круто изменилась. Вместо фанзы с земляными полами и дымными буржуйками корпункт переселили в квартиру для дипкорпуса с центральным отоплением. А при поездках по стране мне уже не требовалось согласовывать их маршрут с отделом печати МИД КНР.

Председатель Мао навсегда запомнился мне необычайно высоким для китайца ростом и устремленным куда-то вдаль взглядом. Когда же меня познакомили в кулуарах съезда с новым Генеральным секретарем ЦК КПК Дэн Сяопином, меня, напротив, поразил его малый рост. Ведь одно дело, когда видишь человека в президиуме, а другое — когда сталкиваешься с ним лицом к лицу.

Партийная кличка генсека — Сяопин, то есть «маленькая бутылка», воспринималась в Китае как метафора, аналогичная нашему термину «ванька-встанька». Маленькая бутылка — это пузырек самогона, который нельзя завалить на бок. Ведь он тут же вновь при-

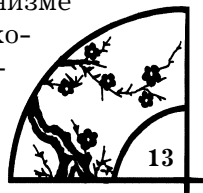
нимает вертикальное положение. Как Дэн Сяопин, которого трижды сбрасывали с вершины пирамиды власти, но он вновь на нее возвращался.

Первая трещина в китайско-советских отношениях появилась после XX съезда КПСС. По мнению Мао Цзэдуна, Н.С. Хрущев был не вправе выступать с резкой критикой Сталина, не посоветовавшись с международным коммунистическим движением.

После успешного завершения первой пятилетки, которая осуществлялась на основе советского опыта и при содействии наших специалистов, «великий кормчий» прибег к авантюристической тактике «большого скачка». (Тогдашний лозунг: «Три года горького труда — десять тысяч лет счастья».) Чтобы первыми «запрыгнуть» в коммунизм, китайских крестьян заставили не только коллективно трудиться, но и есть из общего котла.

Под лозунгом «Обгоним Англию!» стали варить сталь чуть ли не в каждом дворе. А я с китайскими коллегами из «Жэньминь жибао» неделю таскал на коромысле корзины с землей, помогая строить близ Пекина Шисаньлинское водохранилище. «Прыжок в коммунизм» закончился бедствием для страны и народа.

Причину провала стали искать в международной обстановке. В Пекине словно забыли, что именно Чжоу Эньлай и Неру в свое время провозгласили пять принципов мирного сосуществования, сделали их политической платформой неприсоединившихся стран. Китайское руководство стало обвинять Хрущева в ревизионизме за его стремление снизить накал «холодной войны», сделать мирное сосуществование стержнем внешней политики социалистических государств.

Роковое купание лидеров

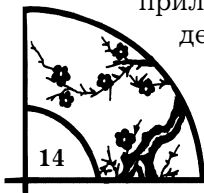
Самая драматическая коллизия возникла в связи с этим накануне десятилетия КНР. В сентябре 1959 года Хрущев должен был совершить поездку по Соединенным Штатам. А к 1 октября прямо оттуда прилететь на празднование в Пекин. Меня включили в рабочую группу по составлению его речи на юбилейной сессии Всекитайского собрания народных представителей.

Незадолго до визита Никиты Сергеевича за океан на китайско-индийской границе вспыхнули вооруженные столкновения. Дабы оградить советского лидера от нежелательных расспросов, было опубликовано заявление ТАСС. В нем выражались сожаление по поводу конфликта и надежда, что стороны решат спор за столом переговоров. Такая позиция Москвы вызвала негодование в Пекине. Как, мол, можно ставить на одну доску братскую страну социализма и капиталистическое государство!

И вот в самый разгар пресловутых «десяти дней, которые потрясли Америку», китайское руководство неожиданно перенесло начало юбилейных торжеств с 1 октября на 26 сентября. Это поставило Хрущева перед нелегким выбором: либо скомкать свой триумфальный американский визит, либо поручить выступить на юбилее КНР кому-то другому. Он предпочел второе.

Доклад, в подготовке текста которого мне довелось участвовать, зачитал М.А. Суслов. Хрущев же прилетел лишь 30 сентября. На другой день демонстранты все-таки увидели его на трибуне ворот Тяньаньмэнь.

После праздничных торжеств Мао пригласил советского гостя в свою резиденцию близ столицы.

Там Хрущева ждал конфуз. Хозяин встретил его в бассейне и предложил присоединиться. Но беда была в том, что Никита Сергеевич не умел плавать. В своих черных сатиновых трусах до колен он, как и на отдыхе в Пицунде, мог зайти в воду лишь до пояса и несколько раз присесть, дабы окунуться. Можно представить себе, как неуклюже выглядел гость на фоне хозяина, способного пересечь километровую ширь Янцзы!

Хрущев был настолько взбешен, что в тот же вечер объявил: он отменяет тщательно подготовленную нами недельную поездку по Китаю и намерен немедленно возвращаться на родину.

Думаю, что причинами размолвки между Пекином и Москвой, которая привела к тридцатилетней конфронтации и даже к боям на острове Даманский, были не только идеологические разногласия, но и личная неприязнь двух лидеров. Это чувство у Хрущева усиливали воспоминания о своей беспомощной фигуре в длинных сатиновых трусах, когда он барахтался в бассейне рядом с «великим кормчим».

«Подмосковные вечера» — гимн дружбы

К счастью, я не был свидетелем бесчинств «культурной революции» (уехал из Пекина на пару лет раньше). Но после смерти Мао Цзэдуна и отставки Хрущева Пекин и Москва стали делать осторожные шаги навстречу друг другу. И вот в 1984 году в КНР были приглашены председатель Общества советско-китайской дружбы академик Тихвинский и я, как его тогдашний заместитель.

Уверен, что в наш маршрут отнюдь не случайно была включена

